

КОГДА МЫ БЫЛИ НА ВОЙНЕ...

БЫТУЕТ МНЕНИЕ, ЧТО НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ НЕ ПОНИМАЕТ ДО КОНЦА ВСЕЙ ПРАВДЫ ВОЙНЫ, ЕЕ СУТИ. БЕЗУСЛОВНО, КТО-ТО МНОГО ЧИТАЕТ КНИГ НА ВОЕННУЮ ТЕМАТИКУ, КТО-ТО УВЛЕКАЕТСЯ ВОЕННЫМИ ФИЛЬМАМИ, КТО-ТО ЛЮБИТ ПОСЕЩАТЬ МУЗЕИ. НО ЭТОГО МАЛО. НАШЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ – ОНО ДРУГОЕ, БОЛЕЕ МЯГКОЕ, ХУДОЖЕСТВЕННО И ИДЕОЛОГИЧЕСКИ ВЫЧИЩЕННОЕ. А ЕСЛИ ЗАДУМАТЬСЯ, ПРАВДА ВОЙНЫ – ЭТО НЕЧТО БОЛЬШЕЕ: ТЯЖЕЛОЕ, ГЛУБОКОЕ ЛИЧНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ, КОТОРОЕ ВЪЕЛОСЬ В ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО ПРОШЕЛ ЧЕРЕЗ АД. ПЕРЕЖИЛ КАЖДЫЙ ЕГО ДЕНЬ. ОСТАЛСЯ ЖИВ И ПОБЕДИЛ. И КАК ВСЕ-ТАКИ ВАЖНО, ЧТО НАМ ЕЩЕ ЕСТЬ КОГО СЛУШАТЬ И ОТ КОГО УЗНАТЬ, КАКАЯ ОНА – ЭТА ПРАВДА.

Серафима Ивановна Виноградова

Воскресенье 22 июня. Какой был прекрасный день! Какие мы все были молодые – по 17 лет. Солнышко светило, мы гулять вышли... И через минуту мир перевернулся – объявляют: «Война!» Я училась тогда в медицинском училище на втором курсе. В декабре нас экстерном выпускают, а после – фронт. До 42-го года трудилась в военном госпитале, после нас расформировали, и я попала на санитарный поезд, который возил раненых.

В 43-м под Смоленском были страшные бои, много раненых. Нашей задачей было помочь, спасти как можно больше бойцов. А мы молодые девчонки совсем, в руках у нас не было автоматов: наши «автоматы» – санитарные сумки: бинты, вата, ножницы и скальпель. Сколько было раненых, как было страшно: одного обрабатываешь, а другого рядом тут же убило... Во время бомбежки ранило и меня. После ранения я тоже попала на санитарный поезд, только уже как больная, а после отвезли нас в Москву в распределительный пункт. Именно оттуда раненых отправляли в тыл. Я осталась в Москве, три недели пролечилась и снова ушла на фронт под Смоленск, затем – Первый Украинский.

Что помогло мне выжить в этой войне? Наверное, мысль, что я не одна, что есть боевые подруги – такие же, как и я, которые, несмотря ни на что, борются за победу. И когда нам объявили, что война окончена, как мы все радовались, как плакали, обнимали друг друга! Помню, как наш начальник медсанчасти сказал: «Ну, все, девчонки, поедем домой!» И слезы градом катились у нас по щекам.

Я смотрю сейчас на молодых: какие все они красивые, счастливые, хорошие ребята – пусть все у них будет хорошо: и работа, и учеба, и дети. И никогда чтобы не знали они войны.

Серафима Ивановна ВИНОГРАДОВА
г.Лермонтов, май 2018 г.

Владимир Михайлович Журай

Знаешь, где войну встретил? Ох! Отсюда не видать. В Харькове. Работал на ХТЗ – это тракторный завод, огромный такой, по площади как наш Лермонтов. Появились над Харьковом немецкие самолеты, стали бомбить город. Еще с месяц я поработал, а после пришла повестка. Ночью усадили нас по вагонам, зацепил вагоны паровоз – куда тянул нас, темное дело... И вдруг среди ночи поезд остановился. Сонные, замерзшие, выходить строить не хотелось, но команда была – мы вышли. Много лет прошло, но помню, какое яркое зарево было кругом – вокзал горел, цистерны с горячим полыхали. Повели нас через лес. К утру мы подошли к территории

бывшего пионерского лагеря. Здесь и расположились. Времени прошло пару месяцев, и мы стали «партизанщину» устраивать. Немцы едут на мотоциклах через лес, а мы их встречаем, да так хорошо, что в живых враг не оставался. Нашли провода со столбов оборванные, поскручивали. Мотоцикл едет вражеский, мы провода с мужиками натянем, раз! Куберь – перевернулись фрицы, а мы их лопатами! Фрицев закапывали в лесу. Оружие, что оставалось немецкое, все в яму прятали недалеко от барака. Научились немецкими гранатами пользоваться. Наш командир нам оружия не выдал, не положено было нам, не по уставу – присягу мы еще не приняли. А какой устав, когда жить хочется? Немца убили, автомат забрали – вот и весь устав. Мы рабочий класс – палец в рот не клади! А немцы престаи через лес ездить...

Много еще чего было... Пошли мы с нашим командиром на задание: наши сдали позиции – отступили и окопы оставили, немцы те окопы заняли. Командиру велено было окопы вернуть! Тихо подкралась мы к фрицу, близко-близко. Никто не курил, не шумел, даже руки не поднимал. А фриц сидит в окопах наших: кто курит, кто бредет, кто на гармошке играет, кто патефон крутит – не ждут гостей. И тут от командира команда – мы, как один, с разных сторон, без единого выстрела – всех штыками положили!

Помню, как во время перехода кто-то наступил на мину, ранило меня осколком – больно так было. Лежу, нога ноет, до кости достало, пошевелиться не могу, страшно, все в крови, а в голове одна мысль: сейчас немцы придут и добьют! Помогли мне ребята – не оставили. Жизнь тогда, она такая была – друг на дружку надеялись, своих не бросали. Много прошли мы с боевыми товарищами – выжил.

Владимир Михайлович ЖУРАЙ
г.Лермонтов, май 2018 г.

Борис Антонович Адашик

В октябре 40-го года по первому набору поехал в Ленинград в ремесленное училище №76. Литье металлов пошел осваивать. А через восемь месяцев началась Великая Отечественная война. Как сейчас помню – рабочий день, ни тревоги, ни бомбежки, полнейшая тишина... Поступила команда прекратить работу и выйти во двор на митинг. Мы узнали, что началась война. Через шесть дней наше училище (примерно 320 человек) отправили на Лужский рубеж, на оборонные работы. Шли через поле, вдоль дороги, шутили, разговаривали – и вдруг два самолета пролетают над нами: а летели так низко, что мы успели разглядеть тяжелый взгляд летчиков, полный ненависти – это были немецкие самолеты. Первый раз я увидел врага. Кто-то закричал: «В укрытие!» – мы бросились враспынную. Самолеты сделали круг и из пулеметов изрешетили поляну. 10 минут – 7 раненых, убитые. За эти 10 минут мы стали другими людьми. Помню, как быстро мы организовали из лопат и веток носилки, забрали раненых, убитых и отправились вперед, но другим шагом, без единого слова. Впервые я осознал, что война – это ВОЙНА.

Мы копали окопы, причем копали, когда темнело. Иначе нельзя – в воздухе юнкерсы. Тратить боекомплект и стрелять по самолетам запрещалось – броню не пробить, а патроны потратишь. Я помню, как нам повторяли: «Каждый патрон 47 копеек» – все под строгий счет; «Патрон только по врагу» – стрелять можно было только по немцу, по самолету стрелять не имеешь права. Ровно 70 дней мы проработали на Лужском рубеже. Затем была команда перебазироваться на Гатчинский рубеж. А железные дороги разбиты... В ночное время сколько прошли мы пешком, через леса, поля! Добрались. Там нам дают задание рыть противотанковый ров, окопы. Не было экскаваторов, только лопаты. Спустил полмесяца нам прислали Жукова, навести порядок и наладить работу. Наше училище сняли с оборонных работ – требовалось резко увеличить производство боеприпасов. Распределили нас по разным заводам в литейные цеха. Чего только не было во время работы: и

бомбили нас, и десант с воздуха пускали – многое пережили.

Что спасло меня, что помогло пройти войну? Наверное, закалка с детства. Отец мой был конюх, с восьми лет он брал меня в колхоз – я был подпаском молочного стада. А с 11 лет землю пахал на паре лошадей – выносливый был очень. Все лето только босиком. Нас шестеро детей было в семье, я шестой – не было ни лишней тряпки, ни лишней обуви. Мы привыкли к труду были. Так и на заводе: думали только о том, что работать надо, трудиться, успеть, выполнить норму – это и помогало жить. Не выполнишь норму – не получишь талон, не получишь талон – не будет хлеба. Такое было время.

Борис Антонович АДАШИК
г.Лермонтов, май 2018 г.

Елена Ивановна Половинка

Войну я встретила дома. Мне было 15 лет. Я жила в промышленном городе Каменск-Шахтинске. Я была комсомолкой и побежала в горком комсомола записываться на курсы, которые организовал Красный крест. Мы начали заниматься в этот же день – 22 июня. Через два месяца был первый выпуск. Старшие ребята вместе с секретарем горкома ушли на фронт, а мы, помладше, остались в городе.

Между тем началась эвакуация, и первым эвакуировали машиностроительный завод. Нас, комсомольцев, поставили охранять поезда, на которые грузили заводские цеха. Когда я окончила курсы санинструкторов, то написала заявление в военкомат: «Я санинструктор, хочу защищать Родину». Мне сказали: «Подрастешь – мы тебя возьмем». Первого июня 1942 года, в день моего рождения, к нашему дому подъехала машина, из нее вышел майор и сообщил, что меня призывают в армию. Мама, конечно, возмущалась: «Есть старшие сестры, что ж вы самую маленькую берете?» Ей ответили: «Ничего, самая маленькая – самая шустрая». И я, как поливала огород, так в сарафанчике, с грязными ногами, и явилась в санитарное управление Южного фронта. Врач Мойшац, увидев меня, спросил: «Вы что, из детсада привезли ребенка?» Меня оставили как вольнонаемную.

Готовилось отступление на Северный Кавказ. Много погибло. Погиб капитан Петров из сануправления, и меня назначили на его место. Мне дали бинокль, винтовку с одним патроном, посадили на машину, грузинскую документацией, и приказали следить за небом. В случае опасности постучать по крыше кабины – дать знать водителю. Вода в Дону кипела от взрывов бомб – столько было немецких самолетов над переправой.

Мы благополучно переправились и пошли на перевал, где состоялось мое боевое крещение. Мы ехали по горной дороге, и вдруг снарядом отрывает кабину, но кузов остается на дороге. Меня выбросило на дорогу, а шофер вместе с кабиной улетел в пропасть. Я должна была (так я себе задачу поставила) сохранить документы. Следом за нами идет пехота. А машина наша стояла на дороге так, что солдаты могли пройти только по одному: с одной стороны отвесная скала, с другой – обрыв. Им команда была дана: строить по одному и бегом! А они уставшие, все в пыли (такой подъем преодолели!), а тут бежать еще надо! И они хотели сбросить машину. А я всех уговаривала: «Нельзя сбрасывать, здесь документы, здесь секретные данные. Надо сохранить это!» Уже в сумерках подошли большие пушки. Я объяснила офицеру обстановку, он дал команду солдатам – на руках отбуксировали кузов с документами, с этими ящиками железными, прицепили к пушке. И мы поехали догонять хозяйство Мойшаца (так называли воинские части – по имени командира).

Что мне дало силы выжить на войне? Вера в нашу партию, вера в нашу власть, вера в наш народ и злость на немцев. У меня почему-то не было страха, что меня убьют. У меня было стремление как можно больше навредить врагам.

Елена Ивановна ПОЛОВИНКА
г.Лермонтов, май 2018 г.